

Доказывать значение драматургии А. П. Чехова в развитии русского и мирового театра уже не приходится. Пьесы Чехова завоевали признание во всем мире, они с успехом идут в пятидесяти странах, в том числе в Америке, Англии, Франции, Японии, Швеции, Германии, Турции, Финляндии и т. д. Крупнейшие режиссеры и актеры современности не мыслят себе театра без чеховской драматургии: Эдуардо де Филиппе называет Чехова «своим литературным учителем», Лоренс Оливье признается, что не много ролей доставляют ему такое творческое наслаждение, как образы чеховских пьес; всем драматургам на свете предпочитает Антона Павловича Марчелло Мастроянни; свое восхищение выражает Джульетта Мазина, Жан Луи Барро, Саша Питоев, Эйно Калима, Жан Вилар, Эрвил Пискатор и другие виднейшие театральные деятели. У нас в стране пьесы Чехова пользуются самой широкой популярностью и любовью. И удивительно, что, созданные в прошлом веке, сейчас они не только «дела давно минувших дней», а вполне современны и даже злободневны, воспитывая отвращение к пошлости и мещанству, пробуждая любовь и уважение к человеку, веру в его творческие силы. Каждая встреча с Чеховым — праздник для зрителя, а для театра, по словам выдающегося режиссера Георгия Товстоногова, «самый радостный, но и самый ответственный экзамен».

О пьесах и драматургическом мастерстве Чехова написано немало работ, проведены серьезные

исследования. Однако это совсем не значит, что о Чехове-драматурге сказано все, что в исследовании его творчества нет «белых пятен». Примером одного из таких «белых пятен» может служить пьеса Чехова «Иванов». До сих пор остается неисследованным вопрос о месте пьесы в творчестве А. П. Чехова, в его драматургии, а также в русской и зарубежной драматургии. Недостаточно изучены творческая и сценическая история произведения.

Вообще судьба первой крупной пьесы Чехова нелегка. Поставленная тотчас после создания в 1887 году в Москве театром Корша и в новой редакции (1889 г.) в Петербурге Александрьевским театром, она недолгие годы выпала из репертуара столичных театров и была сыграна лишь в 1904 году в Московском Художественном театре. После постановки Художественного театра опять наступила длительная, тридцатилетняя «пауза». Последний раз «Иванов» исполнялся в 1924 году.

Утвердившееся на протяжении десятков лет мнение о несценичности пьесы, слабости ее по сравнению с более поздними произведениями великого драматурга препятствовало ее сценической жизни в столичных театрах. В 1950-х годах незаслуженно забытая пьеса Чехова возродилась к новой жизни.

В 1954 году коллектив Московского театра им. А. С. Пушкина под руководством засл. деят. искусств М. Кнебель создал яркий, запоминающийся, глубокий и неожиданный по остроте спектакль. Новая смелая трактовка пьесы и ее главного героя в исполнении засл.

арт. РСФСР Б. Смирнова нашла, как известно, широкий отклик и вызвала полемику в печати, разгоревшуюся еще более после постановки «Иванова» нар. артистом РСФСР Б. Бабочкиным в Малом театре. Новое прочтение пьесы вернуло ее на сцену. За московскими постановками последовали спектакли в Таганроге, Хабаровске, Костроме, Брянске, Мукачево, Мурманске, Грозном, Ставрополе и других городах.

В связи с новым шествием «Иванова» по стране интересно вспомнить первые постановки пьесы в провинции, тем более, что вопрос о сценической жизни драмы никем до сих пор специально не освещался, хотя «Иванов» ставился чаще, чем, например, «Чайка».

После премьеры в московском театре Ф. Корша «Иванов», по свидетельству самого автора, стал «гулять по Руси». Особенно широко пьеса распространилась после ее «колоссального, феноменального успеха» в петербургском Александрийском театре и напечатания в журнале «Северный Вестник» (март 1889 г.).

В то время провинциальные газеты внимательно следили за театральной жизнью Москвы и Петербурга: писали о новинках сезона, перепечатывали рецензии столичной прессы, сообщали о гастролях зарубежных и русских артистов. Провинциальная публика хотела быть в курсе событий, не желала отставать от столицы, требовала «новинок» и антрепренеры не могли не считаться с этим.

«Иванов», поставленный у Корша, вызвавший оживленные обсуждения, резкую критику и лестные отзывы, сразу привлек внимание руководителей трупп. Одной из первых была постановка пьесы в Ставрополе в 1888 году, о чем, кстати, знал А. П. Чехов. В письме к А. Н. Маслову (Бежецкому) 7 апреля 1888 г., удивляясь быстроте проникновения пьесы в глубь страны, он писал: «Мой «Иванов», можете себе представить, даже в Ставрополе шел».

Нужно сказать, что в 80-х годах Ставрополь еще не утратил былую славу театрального города. Вот что пишет в своих воспоминаниях актер и крупный провинциальный режиссер Н. Н. Синельников: «Молодой актер южных театров, по обычаю того времени, стремился хоть один сезон прослужить в Ставропольском театре. Публика этого города сыздавна имела репутацию понимающей, любящей театр и очень требовательной. В прежние времена Ставрополь был населен бывшими петербургскими светскими людьми. Это были те офицеры гвардии, которых ссылали на Кавказ, часто разжалованными в солдаты. Они затем снова получали офицерский чин, но без права возвращения в столицу. Вот эти-то аристократы поселялись в Ставрополе и единственным развлечением их был театр. Для этого городка антрепренер составлял дорогую труппу, получал на покрытие расходов от местных богачей-аристократов субсидию. Все это было в прошлом, но ставропольская публика продолжала пользоваться репутацией строгой и взыскательной».

«Иванов» Чехова был поставлен 19 февраля 1888 года товариществом драматических артистов под управлением С. Н. Томского в бенефис артистки С. С. Багрицкой, исполнявшей роль Бабакиной. Судя по рецензии, пьеса шла при полупустом зале, что, конечно, не могло воодушевить артистов. «Исполнение ими драмы Чехова «Иванов» отличалось вялостью,— пишет рецензент.— Сама драма, в том виде как она была поставлена на нашей сцене (разрядка моя.—Ж. Н), не блещет ни сценичностью, ни определенностью типов, ни новизной сюжета, а, наоборот, недосказанность, утомительные для зрителя и плохо вяжущиеся длинноты и проч., составляют отличительные качества этой пьесы». Автор видит несовершенство общего исполнения, чувствует, что оно мешает верному восприятию и пониманию пьесы как оригинальной, свежей, новой. Однако сам он не дает анализа «Иванова», не де-

лает попытки объяснить подлинное его содержание. Не говорится ничего в отзыве и. об исполнителях отдельных ролей, вероятно, и здесь не все обстояло благополучно, если спектакль давал основание говорить, что пьеса «не блещет... определенностью типов».

Малочисленность зрителей газета объясняет временем, «когда у большинства не остается ничего от месячного содержания». Едва ли это главная причина. Более вероятно, что публика не особенно жаловала бенефициантку.

Примечательно, что ставропольская газета определяет «Иванова» как драму, тогда как, например, харьковская пресса считает пьесу комедией. Вопрос о жанре пьесы еще долго не будет решен окончательно, и в афишах она будет названа то комедией, то драмой.

В 1889 году, после громадного успеха «Иванова» в Александрийском театре, как уже говорилось, возрастает интерес к пьесе и в провинции: она идет в Харькове, Сумах, Киеве, Одессе, Севастополе, Ялте, Иркутске, Томске и других городах. Раньше всего «Иванов» появился на сценах Одессы, Севастополя, Киева и Харькова в постановке Товарищества московских драматических артистов под управлением Н. Н. Соловцова. На роль Иванова был приглашен первый ее исполнитель в коршевском и Александрийском театрах, известный артист В. Н. Давыдов, который к тому времени из московского театра перешел в петербургский. Надо сказать, что Чехов и Давыдов были в дружеских отношениях, драматург высоко ценил талант артиста, одному из первых показал только что написанного «Иванова», был обрадован, когда он согласился играть героя пьесы, и поначалу исполнение роли удовлетворяло автора. Кроме Давыдова, из старых, коршевских исполнителей были Рыбчинская (Саша) и Светлов (Боркин). Гастроли Товарищества московских драматических артистов

начались в Одессе.

Одесса 1889 года была одним из наиболее музыкальных и театральных городов провинциальной России. Город имел три театра (Городской, Русский и Новый), в которых гастролировали итальянская опера, опереточные и драматические труппы. Много лет в Одессе существовало драматическое отделение при обществе изящных искусств, целью которого было «возобновление в памяти публики русского классического репертуара». Одесситы принимали у себя знаменитых иностранных артистов: Даркле, комика Коклена, Сальвини и других. На сценах одесских театров с большим успехом играли М. Г. Савина, М. Т. Иванов-Козельский, А. П. Ленский, В. Н. Давыдов, М. М. Петипа, Н. Н. Синельников и много других выдающихся деятелей русского театра.

«Одесский листок», «Одесский вестник», «Одесские новости», «Новороссийский телеграф» воспроизводят картину театральной жизни города. Рецензии и заметки, помещенные на их страницах, говорят о немалом вкусе авторов и одесской публики.

Местные газеты задолго до спектакля знакомят своих читателей с «Ивановым», печатая отзывы о постановках в Петербурге. Наибольший интерес представляет рецензия известного критика В. Чуйко, который сообщает об успехе «Иванова» в Петербурге: «Драма произвела переполох в литературном и театральном мире: г. Чехов метафорически был увенчан лавровым венком и с тех пор публика не обращает ни малейшего внимания на брюзжание господ пессимистов». В этой большой статье автор говорит о несомненном таланте, творческой фантазии, оригинальности, поэтическом чувстве, образном языке Чехова-писателя. Однако Чуйко традиционно воспринимает Чехова как писателя без идеалов, без широкого умственного горизонта, как беллетриста, который бесстрастно описывает то или иное

событие и не углубляется в душевный мир человека.

Чтобы хоть как-нибудь остановить поток обвинений, совершенно не владея собой, Иванов бросает жене слова о ее близкой смерти. Трудно сказать, кто из них в этой сцене — смертельно больная Сарра или физически здоровый, но мучительно страдающий Иванов,— вызывает большее сочувствие. Иванов в трактовке В. Чуйко—тип часто встречающегося русского интеллигента, человек честный, но нравственно больной, расшатанный и безвольный. Причин же душевных страданий, тоски и апатии он в пьесе не видит, поэтому считает Иванова необъясненным автором, а его состояние немотивированным. В общем, критик не нашел в пьесе готового решения и теряется в догадках. И, однако, несмотря ни на что, В. Чуйко ставит Чехову в большую заслугу попытку драматизировать такой тип, как Иванов, видит в этом доказательство истинного драматурга.

Постановка пьесы в Одессе (в объявлениях всех местных газет и в последующих рецензиях она названа комедией) состоялась 28 апреля 1889 года. «Иванов» ставился, как уже говорилось выше, Товариществом московских драматических артистов под управлением Соловцова в бенефис В. Н. Давыдова. Пресса по-разному оценила этот спектакль, общим было, пожалуй, одно — громадный успех Давыдова, исполнителя роли Иванова.

В газете «Одесские новости» читаем: «Бенефис В. Н. Давыдова прошел вчера с огромным успехом для артиста. При первых словах раздались громкие рукоплескания, и артист был засыпан разноцветными билетиками с надписью: «Да здравствует высокоталантливый артист—художник В. Н. Давыдов», затем ему был преподнесен лавровый венок и адрес; после каждого действия вызовом не было конца».

«Одесский вестник» приводит текст адреса, поднесенного Давыдову: «Высокоталантливый артист Владимир

Николаевич! В настоящее время, когда всем так трудно живется, когда наши иллюзии и надежды разбиты, а во многом мы разуверились сами, вы своей художественной игрой, полной жизненной правды, серьезно и обдуманно показываете нам, что есть еще один уголок, где можно найти оживление и поддержку — это человеческая душа с ее лучшими порывами и благороднейшими чертами. Своей игрой вы рисуете перед нами человека во всех его положениях, старого и молодого, великого и мелкого, и, отыскивая в нем лучшее, вызываете к нему глубокое сочувствие. Нас оживляет это теплое чувство, и мы благодарим вас, как искреннего представителя искусства, за все пережитое нами во время вашей игры».

Если вспомнить, что основные роли Давыдова на гастролях в Одессе были роли Расплюева («Свадьба Кречинского»), городничего («Ревизор») и Иванова («Иванов»), то нельзя сомневаться в том, что строки о разбитых иллюзиях и надеждах, о человеческой душе «с ее лучшими порывами и благороднейшими чертами» прямо относятся к Иванову. Значит, В. Н. Давыдов разбудил сознание хотя бы части публики, заставил задуматься о времени, «когда всем так трудно живется», увидеть в чеховском герое лучшие и благороднейшие порывы, заставил «переживать вместе с собою горькие минуты жизни несчастного Иванова».

В оценке главного героя пьесы одесские газеты и после спектакля не высказывали единодушия. «Одесский листок» и «Одесские новости» трактовали Иванова как представителя целой плеяды подобных ему личностей, которые встречаются на каждом шагу, как один пример «целой массы молодежи с горячеей и неустановившейся мыслью, мечущейся, бросающейся из стороны в сторону, изнывающей под бременем головных процессов». «Одесские новости» воспринимают Иванова, как «больного сына больного нервно-расшатанного времени», человека честного и

порядочного, который полон стремления «совершить нечто лучшее, высшее, но не имеет сил и не знает как». «Одесскому листку» меланхолия и страдания героя пьесы кажутся недостаточно мотивированными, причина нравственной болезни невыясненной. Заметка рецензента этой газеты известного в то время писателя И. Н. Ге, жившего в 1889 году в Одессе, представляет наибольший интерес. Его театральные отзывы в «Одесском листке» отличаются большой глубиной, пониманием драматического искусства, профессиональностью замечаний и несомненным вкусом. Они говорят о большом интересе и серьезном отношении писателя к театру.

В своей статье, говоря о большом интересе публики к пьесе, И. Н. Ге объясняет неуспех ее у части зрителей выработавшейся привычкой к определенным штампам. «Мы привыкли видеть в пьесе непременно какую-то интригу, ряд хитросплетений, коварство, измену, подлость, подвох, благородство чувств, душевную добродетель, порок, мракобесье, чертовщину, гражданскую скорбь или проведение автором какой-нибудь тенденциозной идеи,— но не привыкли к изображению на сцене нашей серенькой жизни без прикрас, исключительных явлений и всяких интриг,— настолько не привыкли, что видим в жизненных, без всякого подъема типах, живущих на подмостках театра настоящей общественной жизнью,— нечто неинтересное, непонятное, скучное». (Там же.)

И. Н. Ге считает пьесу Чехова выдающейся, выведенные в ней лица живыми и правдивыми. Однако, по мнению критика, автор еще не вполне освоился с условиями сцены, в пьесе Чехов выступает больше как писатель, чем как драматург.

Главную слабость пьесы И. Н. Ге видит в недостаточной мотивированности Иванова. Ему, как и другим рецензентам, чеховский герой кажется типичным, распространенным, но непонятным. Иванов, по мнению Ге, человек больной и даже психопат.

Однако попытку Чехова создать образ современного человека, «написать подобную комедию» Ге называет смелой, считает, как и Чуйко, заслуживающей полного одобрения. Мы видим, таким образом, что даже И. И. Ге не понимает чеховскую сценическую поэтику: он допускает течение жизни на сцене, но сам находится в плену старых представлений о драматическом произведении. Не может Ге, как и другие критики, проникнуть в душевный мир Иванова, понять происхождение его неудовлетворенности жизнью, сознания своего бессилия и ненужности, объяснить все это социальными условиями жизни России 80-х годов.

Большинство одесских рецензентов признает удачное исполнение пьесы. Выше всякой похвалы, по общему мнению, была игра В. Н. Давыдова. По окончании третьего акта «в театре стоял стон». Простота, тепло и типичность отмечается в исполнении Соловцовым Лебедева, тонкость в игре Светлова (Боркин). «Чернов был верен барским традициям, привычкам и манерам в роли графа Шабельского, промотавшегося добряка». Игра Рыбчинской (Саша) отличалась мастерством и художественным тактом. Хорошо, по мнению рецензентов, исполнил Львова, «скучного и антипатичного проповедника банальной морали», Рошин-Инсаров. Роль Сарры, видно, не удалась Омутовой, так как пишет о ней только И. Н. Ге, и то, выражая пожелания актрисе не забывать, что играет она больную, умирающую женщину.

Приведены только два примера из первых постановок «Иванова» в провинции. В Ставрополе пьеса не имела особого успеха у публики, которая, по словам знатока театра, считалась взыскательной и строгой. Причина, несомненно, кроется в исполнении: актеры сами не поняли пьесы и не смогли донести ее до зрителей. Провинциальной труппе «Иванов» был не по силам: новое содержание и сценическая форма требовали нового, особого осмысления, особого прочтения и сценического

воплощения, иной драматической техники. В то время провинциальный театр не был готов к этому, мешала общая постановка театрального дела в провинции (погоня за количеством спектаклей, плохая срепетовка пьес, отсутствие ансамбля и настоящей режиссуры, бедность декораций и пр.). Большая трудность для актеров была и в драматургическом письме Чехова, в самой чеховской поэтике. Это не всегда под силу оказывалось и столичным театрам, однако возможности у них для лучшего воплощения «Иванова» были, разумеется, иные. Более верное прочтение и исполнение пьесы Товариществом московских драматических артистов обеспечило ей успех в театральной Одессе.

Но как бы ни были несовершенны первые постановки «Иванова» в провинции, они свидетельствовали о большом интересе к нему со стороны актеров, критиков и публики. Старый театр требовал реформы, свежего репертуара, одной из первых пьес которого и стал чеховский «Иванов» — сложный, необычный, тонкий, требовавший глубокого подхода, анализа, исполнения. Еще не вполне принимая и не всегда понимая пьесу, многие критики и актеры чувствовали в ней свежесть, талант автора, жизненность и правдивость типов и содержания, неизменно выделяя ее из современных пьес. Не случайно лучшие провинциальные артисты, преодолевая мещанские вкусы и рутинность репертуара, часто обращались к «Иванову», ставили его в свой бенефис. Они выделяли «Иванова» среди других героев современной драматургии, видели особенность его, чувствовали скрытые возможности роли, с которой, однако, не всегда могли справиться и талантливые исполнители. К роли Иванова обращались. М. Т. Иванов-Козельский, Н. П. Рощин-Инсаров, Н. Н. Соловцов, Н. Н. Синельников, И. М. Шувалов, А. С. Каширин и другие крупнейшие мастера провинциального театра.

Получив в пятидесятых годах нашего столетия как бы второе рождение, пьеса все настойчивее привлекает симпатии актеров и публики. Успешно исполнили роль Иванова выдающиеся артисты советского театра Б. Смирнов, Б. Бабочкин, М. Царев, готовит эту роль для кино И. Смоктуновский. Нет сомнения, что очень скоро «Иванов» заслуженно займет равноправное место в чеховском репертуаре театров и вместе с «Дядей Ваней», «Чайкой», «Тремя сестрами», «Вишневым садом» будет потрясать нас бесконечной любовью к человеку, силой немеркнувшей мысли, необыкновенной поэтичностью и музыкальностью.

ЖАННА НОРЕЦ.